REC

МАКС МАКСИМОВ

ВИДЕОБЛОГ ВАМПИРА

БОЛЕЕ 3.000.000 ПОДПИСЧИКОВ НА YOUTUBE

Макс Максимов

Видеоблог вампира

Серия «Фантастика от звезды YouTube»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62218583
Видеоблог вампира / Макс Максимов.: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-111955-3

Аннотация

Подвал, камера, балаклава. Федор – вампир. У него все как у людей: свой дом, девушка, проблемы с соседями. Кроме того, что он питается кровью и живет уже более ста лет. Еще Федор завел видеоблог, чтобы делиться своим творчеством. Но в интернете его ждут только бесконечный хайп, информационный мусор и погоня за популярностью. Тогда он решает пойти на крайние меры и публично поквитаться с главной певицей Сети – символом современной деградации. Но все идет не по плану… Быть вампиром не так уж легко – слишком длинная жизнь, чтобы понять, что человеческая природа неизменна.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 24
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Макс Максимов
Видеоблог вампира

© Максимов М., 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Я сорок минут разглядывал белый лист, но отложил работу над новым стихом, не написав ни строчки, и спустился в подвал своего загородного дома. Запах гниющей человеческой плоти может выдать меня рано или поздно, надо что-то с этим делать. Не глядя, я шлепнул рукой по выключателю, и неяркая лампа на потолке осветила мрачную комнату с голыми бетонными стенами. Давно планировал заняться отделкой подвала, но все как-то руки не доходили. Так что уже много лет это сырое холодное помещение оказывалось последним, что видели мои жертвы.

Я включил режим записи на камере, установленной на штативе, и сел на стул перед объективом. Натянул на лицо маску, которую сделал из обычной шапки, прорезав в ней отверстия для глаз и рта, и принялся вещать:

– Всем привет, друзья, меня зовут Федор! – От волнения каждое слово вылетало из меня четко и бодро, даже слишком, будто я толкал мотивационную речь. – Я вампир, и это мой видеоблог. Вы можете не поверить мне на слово, да это и неудивительно, такое фантастическое заявление… вампир! «Вампиров не бывает», – подумаете вы. Но в этом блоге я подробно расскажу обо всех аспектах жизни обычного вампира.

Господи, какое же дерьмо я несу. Несмотря на неуверен-

ность, я все же продолжил:

– …обычного вампира! Как будто бывают необычные. Я покажу, как я ем, и самое интересное – кого я ем! Как сплю, чего боюсь, как устроен мой день и ночь. Покажу свои физиологические особенности и свойства – некоторые, кстати, выглядят парадоксально. Что же, друзья, подписывайтесь, ставьте лайки, и вскоре вы увидите такой контент, какого еще никогда не было!

Фу-у-ух… Я выключил камеру и снял маску. Влажное от выступившего пота лицо покалывало. Наверное, надо придумать другой способ сохранять анонимность. Руки слегка тряслись от волнения. Забавно, ведь я отрепетировал в голове все, что хотел сказать, а в итоге получилось не так. Как камеру включил – сразу все из головы вылетело. Ужас какой-то. Я бывал во многих экстремальных ситуациях, а простой камеры испугался. Надо будет еще название канала придумать, а то «Вампир Федор» звучит как-то примитивно.

Кинув взгляд на тело, лежащее у стены и завернутое в тещины шторы, я подумал, что надо бы сегодня от него избавиться.

Я пересмотрел только что записанное короткое обращение к моим будущим подписчикам (а я уверен, что наберу их) и понял – ролик необходимо переделать. Или нет. Не переделать, а дополнить. Показать нечто такое, чтобы зрители точно поняли, что я вампир, а не просто какой-то псих или фрик в образе вампира. Какой толк от обычного привет-

ствия? Но что показать? По стене пройтись? Да. Это легко. Законы гравитации я преодолеваю без каких-либо проблем. Точно, про это и запишу первый ролик. И свет! Не забыть выставить свет в следующий раз, а то слишком темно на записи… а хотя… такой мрачный антураж под стать контенту. Пусть пока будет мрачно.

Я поднялся из подвала на кухню, помыл в раковине руки и умыл лицо. В холодильнике я взял трехлитровую банку с кровью, чтобы допить плескавшиеся там пол-литра. Благо антикоагулянты и глюкозу можно сейчас достать в любой аптеке. А вот раньше приходилось возиться с пиявками для сохранения крови. Мерзость та еще.

Я залпом осушил свой завтрак. Эх… первая группа. Противная, зараза. Самая гадкая группа крови и самая распространенная. Жаль, нельзя по внешнему виду человека вычислить, какая у него кровь.

После перекуса я плюхнулся на диван и уставился в потолок, пытаясь выстроить в голове концепцию видео, в котором необходимо показать чудо. Минут через пять родилась примерная структура ролика и название: «Гравитация с точки зрения вампира» или «Почему крупные астрофизические объекты по-другому влияют на вампиров». Второй вариант слишком длинный, первый лучше.

Когда я снова спустился в подвал, мне показалось, что труп старика, лежащий в шторах, слегка дернулся, отчего я резко почувствовал приток адреналина. Нет, спустя несколь-

ко дней после того, как я слил его кровь, он не мог дергаться. Нервишки у меня пошаливали. Опять.

Я подошел к трупу и пнул его. Несколько секунд всматривался в отходы, завернутые в тещины занавески (мы не состояли с Катей в браке, но я почему-то называл ее маму тещей). Да… как бы цинично ни звучало, но для меня это просто отходы. Все питательное, что было в этом человеке, я употребил, наполнив свое тело энергией.

В шкафу возле лестницы лежал лом, которым я обычно пользовался, когда хотел избавиться от тела. Отсчитав семь досок от стены, я засунул лом короткой стороной в небольшую щель между половицами и надавил, используя его как рычаг. Край доски приподнялся. Доска была прибита к направляющей коротким гвоздем, специально, чтобы была возможность разобрать пол без особых трудностей, а потом снова собрать. Откинув инструмент в сторону, я продолжил руками выдирать доски. Когда в полу образовалось дыра метр на два, я подошел к шкафу и взял оттуда лопату. Спрыгнув в дыру, я принялся копать яму, а точнее сказать, могилу. Штыковая лопата вонзалась в землю, раз за разом зачерпывая грунт. На лбу проступил пот. Тесновато, надо бы еще пару досок вырвать: землю кидать уже некуда. Ткнув очередной раз лопатой, я уперся во что-то твердое. Присмотревшись, я понял, что попал в челюсть скелета, вот только не совсем понятно, кто из тех, кого я съел, лежал в этом месте. Я примерно помнил расположение трупов под полом, в

некоторых местах они у меня в два слоя лежат, но тут… тут что-то не припоминал. Странно. Семь досок же отсчитал. Все верно. Ближе к стене лежит тот, которого я возле аптеки выловил, тогда меня чуть не заметил дорожный рабочий, а дальше та бабка пьяная, кстати, очень невкусная оказалась. Чтоб я еще хоть раз охотился на алкоголичек! Боже упаси. Нет, тут точно никого не закапывал.

Отряхнув выступающую из земли часть черепа, я увидел у покойника несколько золотых зубов. Руками обхватил череп, сунув пальцы в холодную землю, и потянул. Голова не сразу отделилась от тела. После несколько рывков я стоял и рассматривал череп, держа его в ладонях. Даже не череп, а скорее голову мумии. Ссохшаяся кожа на лице еще сохранила гримасу боли и агонии. Пустые глазницы были забиты землей, а длинные редкие седые волосы свисали с головы жертвы… Моей жертвы? Я помню всех, кого закапывал в подвале, но это… Что-то никак не могу понять… Я стоял и крутил в руках голову, глядя на искаженное лицо с разных сторон.

А-а-а, точно-точно, воспоминания постепенно начали выстраиваться в образы: раннее утро… воскресенье… когда тащил, она пыталась кричать и укусила меня (укусить вампира, забавно)… В лесополосе я ее придушил, но переборщил, и она померла, нагадив в трусы. Вспомнил. Это она, сто процентов. Я тогда еще не пользовался хлороформом, а душил их на месте. Это долго и бывает шумно. Проще усыпить смо-

ченным платком на лицо, отвезти сюда и придушить, если, конечно, я охотился недалеко от моего района.

– Зачем ты в трусы навалила? – спросил я у оторванной головы.

Голова, конечно же, ничего мне не ответила, но я продолжил говорить с ней.

– Знаю, все вы гадите, когда вас душишь, и я бы нагадил, будь обычным человеком. Это все естественно, но ты, мадам, навалила в неподходящий момент, и пришлось мне тащить тебя в таком вот непотребном виде.

Воспоминания прервал звонок в дверь. Я положил голову на землю и вылез из ямы. Поднимаясь по ступеням, отряхнул руки от земли. Звонивший был очень настойчив, и за двадцать секунд, что я шел к двери, он нажал на звонок тоже, наверное, раз двадцать. Я резко открыл дверь. Человек в желтой жилетке с каким-то логотипом на груди отдернул руку от звонка.

– К-к-курьер, – произнес он, заикаясь, и протянул мне коробку.

– Здравствуйте, сколько с меня? – протараторил я, шаря по карманам джинсов.

Паренек посмотрел на товарный чек, лежащий поверх коробки, и, казалось, завис, рассматривая цифры.

– П-п-пять п-п-пятьсот, – с трудом выговорил он.

Я дал ему шесть тысяч. Доставщик взял деньги и принялся искать сдачу.

– Сдачу оставьте себе, – сказал я, взял посылку и быстро захлопнул дверь.

У курьеров маленькая зарплата и скотская работа, как по мне, поэтому я всегда оставлял им чаевые. Бегаешь весь день по адресам и коробки разносишь, что может быть скучнее? Никакого творчества. Я бы с ума сошел, если бы был курьером. Наверное, если попаду в ад, а я туда непременно попаду, то меня в качестве страшной пытки поставят разносить почту.

Вернувшись в подвал, я продолжил раскапывать могилу, не обращая внимания на тело, лежащее под моими ногами. Засуну второго сюда же, ничего страшного, потеснятся немного. Внезапно я услышал стон. От неожиданности я резко повернулся и направил лопату в сторону исходящего звука. Тело в шторах заерзало.

– Помогите, – донесся шепот из тещиных занавесок.

Я вылез из ямы и подошел к завернутому в ткань человеку. Как он мог оказаться живым? Я точно помню, что слил у него кровь, до этого как следует придушив, чтобы избавить бедолагу от мучений.

– Помогите, – снова прошептал он.

– Э-э, мужик, ты что, живой там? – зачем-то спросил я, понимая всю абсурдность вопроса.

Он что-то прохрипел, но я не смог разобрать слова, а потом внезапно оживший человек начал дергаться. Я заглянул в сверток и увидел лысую макушку.

– Что вам надо?! Кто вы?! – приглушенный шторами крик рассеялся по подвалу.

– Черт, – выругался я, – сейчас, сейчас, секунду! Не ори, сейчас все закончится.

Как бы его добить, чтоб не разворачивать? Я схватил лом, которым отрывал доски, встал так, чтобы человек оказался между моих ног, и острым концом просунул лом в сверток. Металл уперся в голову бедняги, жить которому осталось считаные секунды.

– Что вы делаете?! Помогите!

– Прости меня, пожалуйста, прости, – произнес я.

– Что вы делаете?! – закричал мужчина.

Сжав железное орудие руками, я немного отвел лом от его головы и со всей силы попытался вонзить заостренную рукоять ему в череп. Раздался глухой удар о кость, а следом вопль. Я снова отвел лом и ударил. Человек продолжал стонать, дергаясь в коконе из занавесок, а я все бил и бил.

– Сейчас все кончится, потерпи немного, – пробубнил я.

Еще несколько ударов, и он затих. С конца лома капала кровь. Я отбросил оружие на пол и сел на труп. Сердце колотилось, а в голове бурлили мысли: как он мог выжить? Что я натворил? Я точно помню, что слил ему кровь. Зверство какое-то вышло!

– Я не хотел, приятель, не хотел, прости, – тихо произнес я, понимая, что он уже не услышит извинений, да и зачем они ему?

Кровь растеклась по полу и залила мне подошву ботинок. Рассматривая красное пятно, я представлял, что пришлось испытать этому человеку. Врагу не пожелаешь такой кончины. Я знаю – когда-нибудь мне придется ответить за все, что я натворил.

В дверь позвонили, как раз когда я разулся. Что же сегодня за день такой, чего им надо всем?! Поднимаясь по ступеням, я заметил, что ладонь левой руки испачкана кровью.

– Кто?! – спросил я, подойдя к входной двери.

– Полиция, – раздался мужской голос.

– Секунду, – произнес я, – ключи найду и открою.

Я подскочил к раковине на кухне и принялся судорожно оттирать кровь с руки. Вытерев мокрые руки о штаны и оглядев гостиную с кухней (они были практически совмещены, их разделяла огромная арка в стене), я решил, что ничего подозрительного служитель закона не приметит. Штаны грязные! Я быстро стянул джинсы и бросил их на диван. В трусах я подошел к входной двери и открыл.

– Здравствуйте, – произнес я, стараясь вести себя спокойно.

– Добрый день, – сказал полицейский. – Старший сержант Марков Кирилл Сергеевич.

– Что-то случилось? – спросил я, глядя на этого здоровяка снизу вверх. Сколько же в нем роста? Если я метр восемьдесят, то там точно все два.

– У вас все хорошо? – спросил офицер.

– Да, а что? – я машинально поправил рубашку.

– Вы дышите глубоко, – полицейский пристально рассматривал меня.

– Да, я отжимался только что, – ляпнул я первое, что пришло в голову.

– Вы хозяин дома?

– Да.

– Один живете?

– Один.

– Давно тут?

– Года два-три.

Задавая вопросы, офицер осматривал прихожую и часть гостиной, которую можно видеть с его ракурса. В какой-то момент он даже попытался заглянуть чуть за меня абсолютно бесцеремонным образом.

– Что вы пытаетесь там увидеть? – спросил я.

– Пропал человек. Мужчина, лет шестидесяти. – Проигнорировав мой вопрос, он протянул фотографию и сделал шаг, оказавшись в прихожей. Я тут же узнал изображенного на ней. Того самого, голову которого я проломил ломом пару минут назад.

– Не возражаете, если я зайду? – спросил он.

– Нет, но вы уже зашли. А этого человека я впервые вижу, – сказал я и вернул фотографию. – А почему вы пришли именно ко мне?

– Не только к вам. Я всех опрашиваю в этом районе. По-

следний раз этого мужчину видели здесь неподалеку.

– Если я что-то узнаю, то обязательно сообщу в полицию, – произ- нес я.

– Да, хорошо, извините, если побеспокоил.

– Нет, что вы, все в порядке. – Я расслабился, поняв, что он собирается уходить. – Надеюсь, с этим мужчиной все хорошо и он просто… просто сбежал от сварливой жены, знаете ли, бывает такое, и сидит сейчас себе с пивком и удочкой на пару с приятелем каким-ни- будь.

– Все возможно, – ответил полицейский.

Его взгляд привлек замок на моей двери. Несколько секунд он молча стоял, уставившись на дверную ручку.

– Мне надо отойти по делам. У вас еще остались вопросы? – спросил я.

– Как вы открыли мне дверь? – спросил полицейский.

– Как? Не понял, к чему это?

– Когда я позвонил в дверь, вы сказали, что ищете ключ.

– А… да… он был в…

– Я не вижу здесь скважины для ключа. Скважина есть только с уличной стороны. Из дома ваша дверь открывается поворотом ручки. – он уставился мне в глаза.

Я не знал, что отвечать, и начал нести какую-то околесицу:

– Вы знаете, это все привычка. У нас тут до этого дверь была старая, она открывалась ключом. Ее поменяли, эта теперь ручкой открывается, а я по привычке ключ ищу.

Наверняка доброжелательная улыбка на моем лице смот-

релась совершенно неестественно.

– У кого, у вас? – спросил он.

– Что?

– Вы сказали: «У нас тут до этого была другая дверь». У кого «у нас»? Вы же один живете.

– Э-м-м, нет, я сказал у меня, а не у нас.

– Я могу пройти? – спросил он.

– Конечно, проходите, – любезно сказал я.

Офицер миновал прихожую и оказался в гостиной. Внутри меня все перевернулось, когда я понял, что забыл закрыть дверь на лестницу в подвал.

– Чего это, у вас вниз проход есть? – зачем-то спросил он, подходя к лестнице. Как будто не видно, что есть. Я шел следом и молился, чтоб этот лоб просто свалил. Просто прямо сейчас молча взял и свалил отсюда.

– Да, там у меня кладовка, всякий хлам ненужный, – сказал я.

Он подошел вплотную к первой ступени. Как назло, я еще и свет внизу не выключил. Офицер стоял полубоком и поглядывал то на меня, то на лестницу, то просто озирался, будто выискивая что-то в гостиной. Мельком я глянул вниз. Вроде бы отсюда не видно ни разобранного пола, ни свертка с вытекшей кровью, ни лома с кусками мозгов несчастного человека.

– Вы были внизу, когда я позвонил в дверь? – спросил офицер.

Я уже боялся ему отвечать. Этот дотошный тип снова подловит меня на чем-нибудь. Но стоять молча и смотреть на него выглядело бы совсем подозрительно.

– Нет, я был на кухне и отжимался, как и сказал вам ранее. У меня физкультрежим, тренируюсь теперь каждый день. Отжимание, пресс, планка, приседание и еще куча всего. Решил взяться за здоровье. Тридцать пять лет, а уже пузико появилось. Надо худеть. – Мне действительно было тридцать пять лет, когда я стал вампиром, как же давно это было…

– А что вы делали сегодня в подвале?

– Ходил за ковриками, – немедля ответил я.

– Ковриками?

– Да. Для упражнений лежа на полу. Чтоб кости не мять.

Полицейский в очередной раз окинул взором гостиную и спустя пару секунд прошел в арку на кухню.

– А где коврик? – спросил он.

– Я позанимался, отнес его вниз, потом вернулся на кухню и начал отжиматься.

Какую же я несу чушь.

– Заниматься каждый день и держать коврики в подвале не очень-то удобно, – произнес полицейский и снова подошел к лестнице.

Я пожал плечами, молча глядя на него.

– Спуститесь, пожалуйста, – попросил офицер, – я пройду следом.

– Это обыск? – спросил я.

– Нет, а вы что-то скрываете?

– Ничего я не скрываю.

Бодрым шагом я подошел к ступеням.

– Пошли, – сказал я и шагнул вниз.

Спуск показался вечностью. Я прокрутил в голове все возможные варианты исхода, но ничего так и не придумал. Офицеру было на вид лет сорок, мог бы еще жить и жить.

* * *

Пятилетний Федька стоял в пекарне возле неразожженной печи и слушал, как отец о чем-то спорил с пекарем. Зимний ветер гулял по помещению, залетая в открытые окна. Из-за засорившегося дымохода пекарю пришлось приостановить работу. Печная комната практически проветрилась, но Федя все еще чуял запах гари.

– Последний раз говорю, – грозно произнес пекарь, – или двадцатка, или найду других.

– Ладно, ладно, – ответил отец, – будь по-вашему.

– Вот и славненько, – сказал пекарь, – давай обвязывай его.

Отец обмотал веревку, сброшенную с крыши через дымоход, вокруг Федькиной груди.

– Понял, что делать? – спросил пекарь у малыша.

– Папа сказал лезть вверх и скрести сажу вот этим, – Федя указал пальцем на металлический поскребок, лежа-

щий на полу возле печи.

– Да. Скреби со всех сторон, – сказал пекарь. – Поднялся повыше, ногами расперся как следует и шкрябаешь. Потом поворачиваешься вбок и снова шкрябаешь, и так по кругу. Пошкрябал – лезешь выше, но не сильно, а так, чутка, и снова шкрябаешь. Кузька тебя будет тянуть.

– Ты не бойся, – сказал отец, – тебя наверху будет держать дядя за веревку, ты не упадешь.

Федька подошел к печи и заглянул туда, задрав голову. Черный тоннель печной трубы уходил далеко вверх, оканчиваясь маленьким светлым проблеском. Мальчик, одетый в несколько свитеров и легкую куртку, трясся от холода и страха.

– А если я застряну? – спросил Федя.

– Не застрянешь, ты вон какой худой, – успокаивал его пекарь, – до тебя сюда пацан лазал, раскормленнее вдвое был. Не боись, протиснешься.

Федя высунулся из печи и подошел к отцу.

– Пап, может, не надо?

– Ты вечером кушать хочешь? – спросил отец.

– Хочу.

– И я хочу. И мама хочет. Просто прочисть эту трубу, и мы получим денег на хороший ужин.

– Ну ладно, – протяжно сказал мальчик, – попробую.

Медленно, будто на казнь, паренек зашагал к печке. Отец подсадил его, чтоб тот смог залезть внутрь. В печи его оку-

тал ужас замкнутого пространства. Тут же ребенок измазал руки в саже, накопившейся на стенках. Федя вдруг представил, что его тут закроют и разведут огонь. Вдруг его обманули, как в сказке, и хитростью заманили в печь, чтоб изжарить живьем?! Кое-как Федька развернулся лицом к выходу. Он сидел на корточках, сгорбленный и уже весь вымазанный копотью.

– Кузьма! – крикнул пекарь в печь, заставив сморщиться мальчика от громкого голоса и сильного эхо.

– Да! – таким же эхом разлетелся по трубе голос мужчины, страховавшего Федю.

– Подтягивай веревку, он внутри!

Федя почувствовал, как сжалась его грудная клетка.

– Вы ведь не закроете печь? – спросил он и заплакал.

– Закроем, закроем и огоньку посильнее добавим, – сказал пекарь и засмеялся.

– Не надо! – мальчик попытался выползти, но веревка тянула его назад.

– Нет, конечно, он шутит, – сказал отец.

– Давай лезь уже, – произнес пекарь и протянул парню поскребок.

– А как?

– Как, как… встань для начала.

Федя медленно поднялся, стараясь не коснуться лицом грязных стен трубы. Со всех сторон его окружала чернота.

– Шкрябай, – сказал пекарь.

С каждым движением поскребка пространство вокруг Федьки все больше заполнялось пылью и копотью. Он чувствовал, как вдыхает эту гадость, и плакал от страха, обиды и отвращения.

«Почему я должен тут стоять?» – думал он, размазывая слезы грязной рукой по такому же грязному лицу.

В трубе было настолько тесно, что ему приходилось держать руки прижатыми к груди и с небольшой амплитудой шоркать поскребком.

– Вот, только ногой не сбей. – Пекарь поставил масляную лампу в печь, и Федька смог кое-как разглядеть поверхность, которую он скоблил.

Через десять минут пекарь сказал, чтоб Федька лез выше, и крикнул Кузьме тянуть веревку.

– Как мне лезть? – спросил мальчик.

– Ты в дверном проеме, упираясь руками и ногами, вверх лазал когда-нибудь? – спросил пекарь.

– Лазал, лазал, – услышал Федя голос отца, – давай, Федь, так же, как ты дома, руками и ногами упрись в стены и лезь.

– Не, не так. Кузя тебя подтянет, а потом, как остановишься, упирайся ногами.

– А поскребок? – спросил мальчик.

– В штаны сунь, если руки понадобятся.

– Ладно, – всхлипнув, произнес Федька.

Кузьма медленно подтащил веревку, подняв мальчика на

метр от дна печи. Паренек вытащил поскребок и принялся скоблить, вдыхая нечистоты трубы. В сумраке мальчик еле-еле видел свою руку. Веревка впилась ему под мышки. Федя немного поджал ноги и уперся коленями в стену перед собой, а подошвами ботинок в стену позади. Когда нужно было повернуться, он кричал Кузьме, чтоб тот не отпустил его. Тогда Федя выпрямлял ноги и в подвешенном состоянии, слегка оттолкнувшись от стены, разворачивался и снова приступал к чистке.

Кузьма еще несколько раз подтащил мальчика. На высоте около трех метров Федя почувствовал, что во что-то уперся плечами, но мужчина протащил его еще чуть выше. В паре метров над собой он уже отчетливо видел небритое лицо помощника пекаря, держащего в руках веревку.

– Подожди! Ай! Больно, не тяни! – завопил мальчик. – Я застрял! Застрял!

– Чего ты там вопишь? – спросил Кузьма.

– Перестань тянуть! Больно! – продолжал кричать Федька.

– Тише ты, тише, – мужчина ослабил хватку.

Федя повис в трубе, скованный со всех сторон наросшей на стенах копотью и сажей.

– Помогите! – У ребенка началась настоящая паника. Он дергался и тряс ногами, пытаясь чуть съехать.

– Да не тяну я, не тяну, успокойся, балда, вот веревка просто лежит в руках, – сказал Кузя.

Внезапно Федька выскользнул и полетел вниз. Острая боль вонзилась в его ногу. В ушах звенело, голова кружилась, а отец с пекарем что-то кричали. Федьку выволокли из печи на пол пекарни, и он увидел свою правую ногу, согнутую в коленке против естественного хода в суставе. Боль отступила, когда мальчик потерял сознание.

Глава 2

Я снял продырявленную от пуль рубашку и, глядя на труп в полицейской форме, с оторванным ухом и смятой головой, почувствовал, что погружаюсь все глубже и глубже в бездну. Первое время, тогда, сто лет назад, когда меня обратили в вампира, я с трудом мог укусить человека и выпить крови. Мне было жаль людей, и я начал искать смертельно больных. Было не просто, но благодаря этому я смог договориться со своей совестью и привести свою жизнь в гармонию.

Бросив рубашку в яму, я, стоя лишь в трусах и носках, с тремя дырками от пуль в груди, схватил тело офицера за ноги и оттащил от лестницы ближе к могиле.

Жизнь, кстати, тогда в гармонию я привел, но вот сложности с поиском смертельно больных жертв заставили меня снова обратиться к совести. В тот день я предложил ей искать старых людей, тех, кому за восемьдесят. Совесть, немного подумав, дала ответ.

– Я не против, – сказала тогда она, – но как ты поймешь, кому семьдесят пять, а кому, к примеру, восемьдесят два?

– Верно, – ответил я ей, – никак. Может, я буду просто на глаз определять глубоких стариков?

– Мне очень не нравится эта идея, но… – совесть замешкалась, – но, я так полагаю, у нас нет другого выбора?

– Нет. Иначе мы умрем с голоду. Это не наша вина… та-

ковы жизненные обстоятельства, – сказал я.

– Все очень печально, но, видимо, это наименьшее из зол, которые ты можешь сотворить.

Несколько раз полицейский спустил курок, а потом побежал по ступеням. Я впервые почувствовал на себе выстрелы. Действительно, останавливающий эффект у оружия был хороший. Наверное, это должно быть очень больно, не знаю, я ничего не почувствовал, кроме сильных толчков. Каждое попадание пули отбрасывало меня на шаг назад и замедляло. Очевидно, он понял, что оружие меня не берет, и, испугавшись, попытался удрать. А может, еще и потому, что увидел мои клыки и искаженное яростью лицо. Нагнал я его поздно, и он успел подняться в гостиную. Теперь придется мыть пол и стену. И найти ухо, которое у него отлетело после моего удара. Не было времени душить, да еще и такого кабана.

Я поднялся наверх. Кровавый след тянулся от центра гостиной до подвала. А если б придушил, не пришлось бы убираться. Сложно соображать в таких ситуациях, тем более я впервые столкнулся с противником, вооруженным огнестрелом. Эх… только что до меня дошло, глядя на все тот же кровавый след, что надо было сначала надеть на его разбитую голову пакет, перемотать скотчем, а потом тащить вниз. Нет же, я сразу потащил, вот идиот.

Теперь они точно придут с обыском и поймают меня.

Я прошел на кухню. Просунув палец в пулевое отверстие чуть ниже ребер, я нащупал пулю. Потом взял вилку и

небрежно запихнул ее в рану, пытаясь выковырять инородное тело.

В полиции же знают, куда направился их сотрудник. Но, с другой стороны, он опрашивал всех жильцов в районе. Тут сотня домов, мало ли, где он мог пропасть?

Пуля упала на пол и закатилась под стол. Следующее отверстие располагалось четко по центру грудной клетки. Каждый из выстрелов убил бы меня, если б я мог умереть. Вилка нырнула в рану, и уже через пару секунд вторая пуля лежала под столом возле первой. Разобравшись с последней лишней дырой в теле, я собрал эти маленькие металлические улики и отнес их вниз. Все, что могло меня выдать, будет похоронено под этим полом, а раны зарастут через пару часов.

В подвале творился жуткий бардак: разобранные доски небрежно валялись на полу, грязные кровавые ботинки стояли возле жертвы, завернутой в шторы, а тело полицейского лежало перпендикулярно к первому трупу. С голов обеих жертв растеклась багровая лужа. Где-то лежали куски земли, видать, я неосторожно копал. Вишенкой на торте была яма в центре комнаты с полуразложившимся телом. А я стоял там в трусах и не знал, с чего начать уборку. Кстати, в полицейском много крови, ее по идее можно слить, но сейчас не было времени. Надо убрать гостиную первым делом, потом солью провизию – запасы будут. В таком бегемоте еды на несколько недель. Все остальное покидаю в яму да закопаю. Заколочу доски, помою пол, сегодня же куплю линолеум и застелю им

тут все. Плинтуса тоже можно набить. Не полезет же полиция под пол без явных причин.

Запах испражнений ударил в нос. Похоже, полицейский, согласно всем законам (а полиция должна жить по законам), тоже нагадил в штаны. Вонь просочилась только сейчас.

Очередной звонок в дверь заставил меня вздрогнуть и возненавидеть мир. Можно я сегодня просто перестану существовать для всех?!

Я поднялся в гостиную, казалось, сотый раз за сегодня и тихо подкрался к окну. Незаметно приоткрыл шторы, буквально на сантиметр, и увидел на пороге Катю с Щеткой.

– Федя? – спросила девушка, когда я открыл ей дверь.

– Привет, путя моя. – Я обнял Катю под лай собаки, которая скакала на задних лапах, пытаясь допрыгнуть до моего лица, чтобы облизать.

Девушка зашла в дом, а я присел и начал чесать Щетку за ухом.

– Хорошая соба-а-ака, – протяжно произнес я, – хоро-о-шая девочка.

Щетка – помесь лабрадора и дворняги – сходила с ума от радости видеть меня. Возможно, у нас с ней было какое-то звериное взаимопонимание.

– Ты чего голый-то? – спросила Катя.

– Жарко, – ответил я и встал.

– Я пирожков тебе испекла. – Катя протянула мне пакет.

– Вот спасибушки, – сказал я.

Несмотря на свою слепоту, Катя знала расположение мебели во всех моих комнатах и могла спокойно ходить по дому, не натыкаясь на предметы, но все же я взял ее под руку, и мы прошли на кухню.

– Завтракала сегодня?

– Ага, но чай можно употребить.

Когда я вспомнил про оторванное ухо, было уже поздно. Щетка смотрела на меня из гостиной, держа в зубах окровавленную ушную раковину полицейского.

– Я тут сегодня уборку затеял, – произнес я и направился к собаке, – так что не обращай на меня внимания.

– Уборку? Так мы же вроде в кино идем? – Катя села за стол.

Моя девушка обожала кинотеатры. Громкие объемные звуки и спецэффекты приводили ее в восторг, хотя она и не видела того, что происходило на экране. Я описывал ей видеоряд, иногда даже крича в ухо, и в ее сознании формировалась какая-никакая картинка на основе моих пояснений, музыки и реплик героев. Раз в неделю мы ходили в кино, это была своего рода традиция. Катя понятия не имела, кто я. Мы познакомились три года назад, она оказалась моей первой девушкой после того, как я перестал быть человеком. Слепая невеста – идеальный вариант в моем случае.

– Щетка, хорошая Ще-еточка. – Я наклонился и протянул руку собаке, в надежде неожиданно схватить ее и отобрать кусок офицера. Я давно знаю Щетку, и проблема заключа-

лась в том, что эта собачка была своенравная. Однажды она чуть не вцепилась мне в руку, когда я пытался забрать у нее свой ремень, который она впоследствии успешно изгрызла.

– Ты мамины шторы повесил в спальню? – спросила Катя.

– Нет, – ответил я и резким движением попытался схватить собаку за передние лапы, но сучка оказалась слишком ловкой. Главное, не переборщить с силой и не сломать ей конечности.

– А чего так? Не понравились? – снова раздался голос Кати из кухни.

– Я их потерял. – После этой фразы я почувствовал себя глупо. Как можно потерять шторы?!

– Как можно потерять шторы?! – воскликнула от удивления Катя.

Собака запрыгнула на диван и принялась жевать ухо.

– В прачечной не смогли их найти, – сказал я, глядя на Щетку, наслаждающуюся человеческим хрящом.

– Вот же люди, а, – возмутилась Катя, – они деньги хоть вернули за них? И почему ты их понес в прачечную?

– Да, конечно, вернули, я там такой скандал поднял, – сказал я и снова подошел к собаке, – администратора позвали даже. Деньги на карточку перевели тут же. А понес в прачечную чего? Да… я их повесил, и они мне показались грязными, я обычно новые вещи стираю.

– А чего это ты убираться вздумал? Что-то случилось? Чего ты там делаешь-то? Ты какой-то странный сегодня, – про-

должила сыпать вопросы Катя.

Собака перестала жевать ухо. Несколько раз облизнувшись, она изогнулась колесом и принялась вылизывать свой зад. Неплохой способ скармливать улики животным, жалко, что тех двух хороняк в моем подвале она не сможет проглотить.

– Все в порядке, просто разбил банку с вареньем, а еще мне нужно починить пол в подвале, там тоже беда кое-какая, доска сгнила, и я провалился… в общем, может, мы перенесем кино? – я вернулся на кухню и сел напротив Кати.

– Ладно, перенесем. Пирожки попробуешь? – спросила девушка.

– Да, точно. Чай. – Вылезая из-за стола, я понял, что слишком суечусь и делаю лишние движения. Надо расслабиться. Выпроводить Катю с псиной и закончить свои дела. Полиция может нагрянуть с часу на час. Не то чтобы я боялся их, чего они мне сделают? Но вот лишние проблемы сейчас ни к чему.

– Написал сегодня чего? – Катя откинулась на спинку стула и потянулась.

– Да, утром пару строк.

– Нет вдохновения?

– Профессионалы, Катюш, работают без вдохновения.

– Ой, ой, прям профессионал, – Катя усмехнулась.

– Конечно, профессионал, без пяти минут звезда, – гордо и иронично произнес я.

– Если тебя еще возьмут.

– Возьмут, я верю в себя.

– И я верю, и мама верит в твой талант.

– Опять ты со своим талантом, я же говорю, таланта не бывает.

– Ни у кого?

– Да, ни у кого. Проведи тысячи часов за каким-либо делом и станешь в этом деле талантливой.

Я налил чай и поставил кружку перед Катей.

– Осторожно, не смахни рукой, вот. – я взял ее кисть и поднес к кружке.

– Спасибо.

– Любой может стать талантливым, а следовательно, этот термин на хрен не нужен. Замени слово «талантливый» на «опытный», – предложил я.

– Чем тебе слово-то это неугодно? – Катя аккуратно отхлебнула горячий чай.

– А тем, что оно звучит так, будто талантливый, как ты выражаешься, человек не потел, добиваясь развития навыка, а так просто все у него выходило, родился уже талантливый и умелый. Это слово мне кажется унизительным. Катя! Хорош меня унижать! – Я попытался максимально серьезным тоном произнести последнюю фразу.

– Унижать? – Катя захихикала.

– Да, унижать. Я пишу стихи много лет и развиваюсь в этом направлении, а мне говорят: «Да он просто талантли-

вый». Нет, я сто тысяч часов убил на это, я не просто талантливый, я, мать вашу, пахарь!

Катя рассмеялась.

– Пахарь листа и бумаги! – воскликнул я.

– Листа и бумаги? Это же одно и то же, – Катя засмеялась во весь голос.

– Неважно! – закричал я и тоже засмеялся.

– Вот всегда так с тобой, – начала девушка, – все серьезные обсуждения сводятся к глупостям.

– Конечно, так же веселее, – подметил я.

– Ты выиграл несколько престижных поэтических конкурсов.

– Вообще-то они были не очень престижные.

– «Электронная рифма», «Поэт области» и еще… не помню… – Катя сморщилась, напрягая память.

– «Золотое слово», «Жизнь в стихах» и «Ямб и хорей», – напомнил я. – Там еще много чего было, но это неважно. Я перестал посылать заявки на конкурсы, в этом нет смысла. Там нет аудитории. Мои стихи читают только другие участники конкурса и жюри.

– Я все равно буду считать тебя талантливым, но про себя, тихонько.

– Ладно, но только если тихонько.

Пирожки оказались отвратительные. Катя училась готовить, будучи еще зрячей, до аварии. После катастрофы девушке пришлось многое осваивать заново, и готовка всле-

пую давалась ей с трудом.

Мы посидели минут двадцать, а потом я принялся за уборку. Катя предложила помочь, но я решил, что это не самая лучшая идея. Когда мы прощались, я почувствовал нотки недовольства в ее тоне – она однозначно обиделась и была права, но и вины за собой я не чувствовал. Не мог же я после всего случившегося просто взять и пойти в кино!

Первым делом я закинул оба тела в яму, решив не сливать кровь из полицейского, дабы не тратить время, да и еды у меня было много, еще пара банок.

Оттирая пол от крови в гостиной, в голове я крутил сценарий к видео, которое должен буду записать сегодня вечером, если снова не случится какой-нибудь форс-мажор. В любом случае полиция ко мне нагрянет. Линолеум в гостиной отмылся относительно легко. Надо бы весь дом застелить линолеумом, мало ли где мне в следующий раз придется мыть пол. Далее я взялся драить деревянные лакированные ступени в подвал. С ними тоже проблем не возникло: через полчаса они блестели как новенькие. Я понимал, что у полиции наверняка есть устройства, позволяющие уловить чуть ли не отдельные молекулы крови на полу, но на каких основаниях они будут искать кровь у меня дома? Только если что-то заставит их заподозрить именно меня. Полицейский этот ходил по всему району, и мало ли где он мог исчезнуть. Чего я-то сразу? Сосед, Кешка, через два дома который, сидел то ли за убийство, то ли за разбой, грабеж, непонятно. Слу-

хи ходили разные, но сидел он точно. Вроде кого-то зарезал, так что первым делом подумают на него. Он еще по ходу и с наркоманами местными терся. Говорили даже, что он СПИДом болен.

В подвале я закопал тела и заколотил обратно доски. Оставалось только застелить линолеум поверх размазанных по полу следов насилия. Перед поездкой на строительный рынок я сходил в душ и привел себя в порядок.

Три рулона линолеума длиной пять метров и шириной два (которые я привез на своем пикапе, благо машина позволяла погрузить туда напольное покрытие и не пришлось ожидать доставку и привлекать лишних людей) я раскатал по грязному полу. Подвал тут же преобразился, а следы жестоких убийств, которые, кстати, я совершил не по своей воле, оказались скрыты под слоем мягкого пластика с узором, имитирующим дерево.

Закончив прибивать плинтуса и перемычки на стыки рулонов, я еще раз проверил подвал, лестницу и гостиную. Если не проводить экспертизу, то так и не скажешь, что за бойня тут приключилась буквально три часа назад. Я понимал, что полиция должна нагрянуть сегодня. Нельзя так просто убить полицейского, да еще и на задании. Они придут, я уверен. Придут и ко мне, и к соседям, и весь район на уши поднимут. Подождем, будь что будет.

Часы в гостиной пробили шесть вечера. Я отправил Кате голосовое сообщение со словами любви, чтобы как-то обо-

значиться, но в ответ получил лишь недовольный смайлик. Да, несмотря на слепоту, она прекрасно могла пользоваться смартфоном.

Я решил попробовать переделать первое видео, понимая, что сейчас не лучшее время, но чего тянуть-то? Спустя десять минут я уже сидел в подвале перед включенной камерой, расположенной чуть ниже лампы, которая светила мне в лицо. На футболку я закрепил петличный микрофон, тот, что сегодня утром привез курьер.

– Всем привет, друзья, – начал я, – меня зовут Федор, и я вампир.

Нет, не так. Тупо как-то. По-детски слишком. А хотя кто там еще смотрит эти блоги? Дети и подростки. Но все равно глупо. Что за «Привет, друзья»?

– Здорова, воины, с вами я, Федя-вампир! – последние слова я чуть ли не прокричал.

О боже, какие еще, к чертям, воины? Чего я опять несу? Так, спокойно. Это все вырежу.

– Здорово, друзья, меня зовут Федор, и это мой видеоблог. Видеоблог вампира!

Так нормально. И сюда вставлю какую-нибудь заставку под эпичную му- зыку.

– Вы можете подумать, что я вру.

Не так.

– Вы думаете, я идиот и вампиров не бывает?

При чем тут «идиот»? И с чего я взял, что они там что-то

думают? Не так, надо проще.

– Сейчас я докажу вам, что не вру.

Камера снимала меня, сидящего на стуле, и стену за спиной. Я встал и подошел к стене. Коснувшись ладонями холодного бетона, я почувствовал, как то, что до этого было низом в сознании, перестало им быть. Гравитация заиграла другими красками. Комната словно повернулась на бок, и я уже ощущал себя стоящим в упоре лежа на стене, которая в моей локальной физической системе стала полом. Я оглянулся и увидел стул, где только что сидел, и камеру на штативе. Вся эта видеоатрибутика казалась мне приклеенной к стене, которая, в свою очередь, недавно была полом.

– Столько лет живу в вампирском обличье, – громко произнес я, – а никак не перестаю удивляться этой гравитационной аномалии, которую могут создавать вампиры. Я так говорю, будто знаю других вампиров. Но очевидно, что они есть, и очевидно, свойства у нас у всех должны быть идентичны.

Я прошел два метра до потолка, а точнее, до соседней стены, если опираться на мое внутреннее восприятие пространства, и повернулся к камере.

– Приве-е-ет, – я помахал рукой и растянул губы в глупой улыбке.

Дальше я решил ничего не перезаписывать и говорить так, как получается – сбивчиво и неуверенно. Плевать.

– Как видите, страховочных тросов у меня нет, – произ-

нес я, водя руками вокруг себя, – гравитационная аномалия. Вампиры против законов физики нашей вселенной. Почему я говорю «нашей»? А потому, что, возможно, есть и другие вселенные с другими законами физики.

Я прошелся от пола до потолка, а для меня – от стены до стены.

– У самых умных из вас может возникнуть вопрос – что, если я поменяю гравитацию, находясь на улице? Я упаду на небо? Улечу? А если я поменяю гравитацию в направлении, параллельном плоскости Земли? Говоря о ее плоскости, я имею в виду незначительную сферичность Земли, при которой она нам кажется плоскостью, когда мы стоим на ней. Так вот, если я поменяю для себя гравитацию, стоя где-нибудь в поле, унесет ли меня прочь с планеты?

Я сделал паузу, представляя, что общаюсь с человеком и выжидаю его ответ.

– Знаете что? А пишите-ка в комментариях свои версии, что будет. Сказать по правде, я ни разу за почти сто лет не занимался подобными экспериментами. Отчасти из-за того, что я боюсь высоты. Но в теории, да, я должен буду улететь прочь с нашего голубого шарика. Но в любой момент я могу вернуть для себя гравитацию и приземлиться обратно, переломав все кости. Они, кстати, быстро срастутся, но это все равно не очень приятный эксперимент.

Я сел на корточки.

– Гравитация – штука неизученная. Когда я был ребен-

ком, я считал, что ученые все знают об этом фундаментальном свойстве нашего мира. Как же велико было мое удивление, когда я узнал, что никто… абсолютно никто в мире понятия не имеет, почему существует гравитация, почему одно тело притягивается к другому. И тут речь идет не об электромагнитных взаимодействиях, нет. Любое тело с любой массой имеет гравитацию и будет притягиваться и притягивать, при этом искажая пространство-время. Будь то звезда, планета, астероид или даже вы сами. Вы тоже обладаете гравитацией, но сила ее ничтожно мала и практически не ощутима.

Ноги начали затекать, и я встал. Пришло осознание, что как только я послал куда подальше камеру, речь моя стала свободной и раскованной.

– А представьте, если бы гравитации не было. Наш мир не стал бы таким, каким мы его видим. И нас бы не стало. И я бы тут не ходил по стенам перед вами. Самое интересное – это то, что наша вселенная в самом своем моменте создания уже имела законы, такие как ограничение на скорость света и четыре силы взаимодействия, одна из которых и есть гравитация. Я бы поговорил о других силах, но они больше работают на микроуровне, и сейчас мне не совсем понятно, как я смогу объяснить свои вампирские свойства с точки зрения квантовой физики. А ведь даже на том элементарном уровне я однозначно должен демонстрировать чудеса и фундаментальные парадоксы, сродни тому, что вы сейчас наблюдаете.

Снова пройдя от стены до стены, я прилег, подперев го-

лову ладонью. Я старался двигаться в кадре, чтоб видеоряд не был статичным. Чем больше динамики, тем лучше. Хотя, учитывая то, что я тут демонстрирую, может, и не надо было этого делать. Можно было бы просто сесть на задницу и болтать на камеру на протяжении всего хронометр- ража.

– Вселенная была создана по определенным правилам. В ней работают законы, позволяющие функционировать всему, что мы видим и не видим. Кто-то считает, что это божественный замысел, а кто-то верит в случайные квантовые флуктуации в сингулярности, приведшие к Большому взрыву. Некоторые думают, будто наш мир и вовсе компьютерная симуляция. Я понятия не имею, почему вокруг все именно такое, какое оно есть. Но я знаю одно: я могу выходить за рамки привычных законов. Законов во всех смыслах этого слова. Об этом и будет мой блог. Кстати, кроме этого блога я еще увлекаюсь стихосложением. Я пишу стихи на различные темы, в том числе и тексты для песен. Если вас интересует поэзия, то вы можете ознакомиться с моими работами по ссылке в описании. Подписывайтесь на мой канал, и вскоре вы многое узнаете о жизни вампира. Пока-пока!

Вернув себя на пол, в привычную модель пространства, я подошел к камере и выключил запись. Через секунду после осознания того, что я забыл надеть маску, моя ладонь со шлепком прилетела в лоб. Как же не хотелось все это перезаписывать, учитывая, что я смог расслабиться и спокойно рассуждать перед объективом.

Но вторая попытка записи этого ролика, уже в маске, оказалась ничем не хуже. Я практически слово в слово повторил все сказанное в первой версии видео. Теперь осталось залить это на видеохостинг и ждать реакцию зрителей.

Я пересмотрел запись и понял, что, когда вырезал все лишнее, ролик получится слишком короткий. А может, это и хорошо. Проще воспринимать информацию в сжатом виде, так что попробую-ка я пока делать небольшие видео.

Когда я поднялся в гостиную, мое внимание привлекла полицейская машина, стоявшая напротив моего дома через дорогу. Я увидел ее в щель между занавесками. Кинулись своего любопытного сотрудничка искать. Быстро они реагируют. Вот же работа у них, каждый день жизнью рискуют, эх, жалко мне этого детину. Ведь у него наверняка семья была – жена, дети, родители… Так все нелепо вышло. Я старался как мог, делал все, чтоб он отвалил от меня, но нет же, вздумалось громиле этой подвал проверить… грустно, что уж говорить.

Я залез на диван с ногами и вставил карту памяти в ноутбук. Компьютер поставил себе на колени, оперся на мягкую спинку и уставился в монитор. За окном проехала еще одна машина с полицейской мигалкой, но без сирены. Зачем им тут эти мигалки? Трафика на дороге-то нет. Важность своего задания, наверно, так подчеркивают. Мигалка сияет, значит, я выполняю что-то сверхсерьезное. Маньяка ищу! Хм… А ведь так и получается: по всем признакам я серийный ма-

ньяк-убийца оказываюсь, ужас какой. Но, с другой стороны, маньяки убивают себе подобных, убивают свой вид. Я уже не принадлежал к виду людей. Я нечто иное. И я не убивал ради удовольствия или ради иных интересов, я убивал исключительно ради кушать. Люди – моя еда. Но для них я самый настоящий маньяк-психопат.

Зайдя на свой канал, я вдруг понял, что название «Вампир Федор» звучит совершенно скучно и незамысловато. Точно-точно, я же планировал его поменять. Ведь надо, чтоб было замысловато. Мозг заработал с удвоенной силой, перебирая варианты названия моего видеоре- сурса.

«Кровь и клыки».

Слишком поэтично. Для девочек с розовыми челками подойдет, но для меня никак нет.

«Следы зубов на шее».

Опять для меланхоличных школьниц.

А может, «Вампирское сознание в мире людей»?

Вампирское. Сознание. Черт возьми. В мире. Мать его. Людей! Сознание! Вампирское! Да уж… бред.

Я рассмеялся, осознав всю абсурдность этой фразы. Что же так сложно-то? Это ведь просто название, да еще и тематического канала!

«Клыкастые сюжеты».

Нет, надо что-то со словом «вампир».

Звонок в дверь нисколько меня не удивил. Заходите, дьявол вас раздери, люди добрые.

– Здравствуйте, – произнес я, открыв очередному полицейскому. Этот, надеюсь, вернется сегодня домой. Но это не точно… Теперь я знал, как легко оттирается кровь с линолеума, и даже, знаете, как-то спокойно стало на душе. Возни с уборкой, если что, меньше будет.

– Старший сержант … … … – представился он, но я продолжил жонглировать в голове названиями для канала, так что не уловил его имени.

– Да, – кивнул я.

«Вампирские бредни» звучит юмористически. А может, задать веселое направление каналу? Такой контраст будет жесткий – юмор и смерть.

– Пропал старший сержант полиции Марков Кирилл Сергеевич, – служитель закона протянул мне фотографию человека, которого я убил сегодня в обед. Опять фотографию… прямо-таки дежавю какое-то.

Интересно, а если я сейчас и этому башку оторву, следующий тоже придет с вопросами и фотографией? За пару лет можно так всю полицию в городе выкосить.

– Вы видели сегодня этого человека? – продолжил офицер.

Нет, «Вампирские бредни» как-то не круто, да и вообще, при чем тут юмор? Что-то меня не в ту сторону понесло.

– С вами все в порядке? – спросил полицейский. – Вы тут?

– Да-да. Просто работаю сижу и мысли не о том… так, человека этого… – я сделал вид, что внимательно изучаю

фотографию, – нет, не припомню такого.

«Скелет в шкафу». Будто я что-то скрываю. Звучит интригующе.

– Работаете? Кем? – он подозрительно прищурился.

– Вообще я фрилансер, но сейчас работаю над новым стихом. Я увлекаюсь поэзией, – ответил я с ходу.

И не дай бог я опять сказал что-то не так и этот ушлый хрен в погонах начнет дальше задавать свои каверзные вопросики! Мне кажется, я пришибу его сразу. Тем более на линолеуме!

– Ясно. Извините за беспокойство.

«Да ладно?! Ты даже не пойдешь шариться по моему дому?» – подумал я, а вслух произнес:

– Ничего страшного, до свидания.

Я вернулся за ноутбук. Общение с полицейским прошло на удивление легко.

«Скелет в шкафу», хм… нет, все же надо использовать слово «вампир» в названии. Минут десять я перебирал различные названия для своего канала: «Кровавые клыки», «Вампирский блог», «Вампир-блогер», «Последний укус», «Кто там в тени»…

«Кто там в тени», кстати, звучало неплохо, но тоже нет. Слишком сложно. В итоге я остановился на первом варианте, который пришел мне в голову, – «Вампир Федор». Пусть будет так. Может, и звучало скучно, зато сразу все было понятно и без лишнего пафоса. В пункте названия канала я и

забил «Вампира Федора». Потом скачал с карты памяти отснятый материал. Редактировать видео долго не пришлось: я вырезал дурацкие моменты в начале и обрезал концовку, где я подходил к камере, чтоб выключить ее. С середины видео пошло удачно, там не пришлось ничего менять. В целом производство ролика оказалось очень простым, и теперь главное, чтобы меня начали смотреть. Уже через десять минут на моем канале красовалось первое видео. Превью к нему я не стал делать, а оставил кадр из ролика, где я сижу на стене. Пересмотрев свое творение еще раз, я обновил страницу, и счетчик просмотров изменился с цифры один на цифру два. Он учитывает мои собственные просмотры или это кто-то другой посмотрел? Нажав еще пару раз на обновление страницы, я все же понял, что счетчик фиксирует мои просмотры. Что же, подождем денек- другой.

Перейдя на вкладку «тренды», я принялся рассматривать популярные видео. Точнее, не сами видео, а их превью и названия. На первом месте, как обычно, был какой-то придурок, читающий мемы. Я давно обратил на него внимание, потому как парень рубил миллионы просмотров, делая жуткое дерьмо. И это ведь смотрели! Наверное, сами не могли приколы почитать, вот и генерировали ему просмотры. Далее шел обзор на какое-то идиотское телешоу, в котором, судя по картинке, девочка лет двенадцати была беременной. Лицо блогера, обозревающее этот шлак, красовалось на половину превью. Зачем он открыл рот? Почему все эти позе-

ры пихают свои рожи на превью непременно с открытыми ртами? Подростки любят, когда открыт рот? Я никогда этого не пойму. Далее шел клип под названием «Танцы в клевой тачке». На превью девушка сидела на корточках на заднем сиденье, очевидно, люксового авто. Возле нее валялись раскиданные деньги, а сама дива улыбалась, демонстрируя разноцветные зубы: синие, красные, зеленые… Далее шел какой-то летсплей, следом новости, а потом десятичасовой обзор на коробок спичек.

Я вернулся к клипу с девочкой на заднем сиденье и включил его. Особа худощавого телосложения двигалась, как змея, виляя всем, чем можно, и открывала рот под наложенный поверх видеоряда обработанный вокал. Противное существо с разноцветными зубами и татуировками на лице что-то бормотало себе под нос, кривляясь изо всех сил. Голос ее звучал неестественно, будто она нашептала что-то на студии, а потом все это дело наложили на изображение, добавив громкости. Быстрая смена кадра точно вызовет эпилепсию у здорового человека. Чтоб понять посыл ее песни – хотя это даже песней назвать сложно, скорее разговор под ритм, – я перемотал на начало и попытался вслушаться в бормотание этой неведомой дистрофичной пакости.

Из первого куплета я понял, что у нее много одежды, но мало парней, и ей хочется побольше внимания от противоположного пола. Далее следовал припев:

Танцы в клевой тачке.
На сиденье деньги, а во рту жвачки.
Танцы в клевой тачке.
Хочется парней в придачу.
Я могу себе позволить,
Все, что захочу,
Чу-чу-чу.
Все, что захочу,
Чу-чу

Артистка повторила припев несколько раз и перешла к не менее гениальному куплету о том, в каких ресторанах она питалась. И опять же сделав акцент на то, что у нее мало парней. Далее я бы мог вновь насладиться припевом, если бы не выключил в ужасе это мракобесие. У этого видео, загруженного вчера, было семь миллионов просмотров. Семь миллионов умственно отсталых людей в нашей стране точно есть. Но скорее всего меньше, ведь многие смотрели клип по несколько раз. Чую, за недельку этот шлак наберет еще миллионов семь. Когда я обратил внимание на имя исполнительницы, у меня отвисла челюсть. Боря Гузова. Боря! Ее зовут Боря Гузова! Это уже перебор на сегодня. На секунду я подвис, переваривая увиденное, но вскоре мозг продолжил мыслительную деятельность.

Вбрасывают молодежи тупое кривляние, а те и рады. Едят все, что дают, без разбору. Такие песни однозначно искажают у подростков понятие о настоящем творчестве. По мне,

так создание подобного контента приравнивается к преступлению против морали. Преступлению против умов будущих поколений! Все эти бездарности только отупляют людей. Я и до этого видел подобную ересь в интернете, но сегодня меня прямо обуяла ярость из-за всей этой пошлости. Наверно, во всем были виноваты семь миллионов просмотров, ведь мне казалось, что подобное смотрят не так активно. А еще я заметил у всех этих «музыкантов» характерные черты – зачитывать, а не петь (петь сложно), максимально искажать свою внешность татуировками, эпатажной одеждой и невообразимыми прическами (ведь если внутри пусто, то надо привлекать внимание внешностью), отсутствие музыки, вместо музыки они используют легкий однотипный бит с тремя нотами (играть музыку сложно, этому тоже надо учиться). Бедные подростки, сколько же подобного дерьма я уже повидал.

* * *

Девятилетний Федя сидел на полу их дома в деревне. Сквозь щели между гнилыми половыми досками можно было разглядеть землю. Подбитый после утренней драки правый глаз ныл и так заплыл, что Федька практически ничего им не видел. Самодельные костыли валялись возле него. Мальчик пытался зарифмовать строчку «У луны две стороны». Он чиркал в тетрадке карандашом – что-то записывал и тут же зачеркивал.

– У луны две стороны, – тихо произнес он, – это разные миры. Нет. У луны две стороны, на одной растут цветы, на другой… Что на другой? На другой есть города, скрыты из виду всегда. Нет. Надо, чтоб на одной было пусто, а на другой цветы и города. У луны две стороны, это разные миры. На одной лишь пустота. На другой растут цветы, есть моря и города. Отлично! То, что надо!

Федя вздрогнул, когда мать со всей силы хлопнула входной дверью и швырнула стопку бумажных листов в стену. Рукопись разлетелась по всему коридору.

– Прошмандовки! Путаны бесовские! – от ругани матери проснулся отец. Мужчина приподнялся на кровати и протер сонные глаза.

– Что? Что ты разоралась-то? – пробубнил он.

Мама прошла мимо Феди на кухню и села за стол. Формально это была кухня, но фактически – просто часть дома возле плиты и раковины, ведь весь их дом представлял собой одну большую комнату без перегородок, за исключением двух покрывал, которыми завешивались родители в своей «спальне», когда, как думал Федя, они там поднимали какие-то тяжести, судя по стонам и тяжелому дыханию. Тяжести они поднимали не часто, может, раз в неделю, когда отец был трезвый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.